

538

355.48
0.66.

24-ГО ОКТЯБРЯ 1794 ГОДА — 24-ГО ОКТЯБРЯ 1894 ГОДА.

298
278

198
719

ШТУРМЪ ПРАГИ

СУВОРОВЫЙ

въ 1794 году.

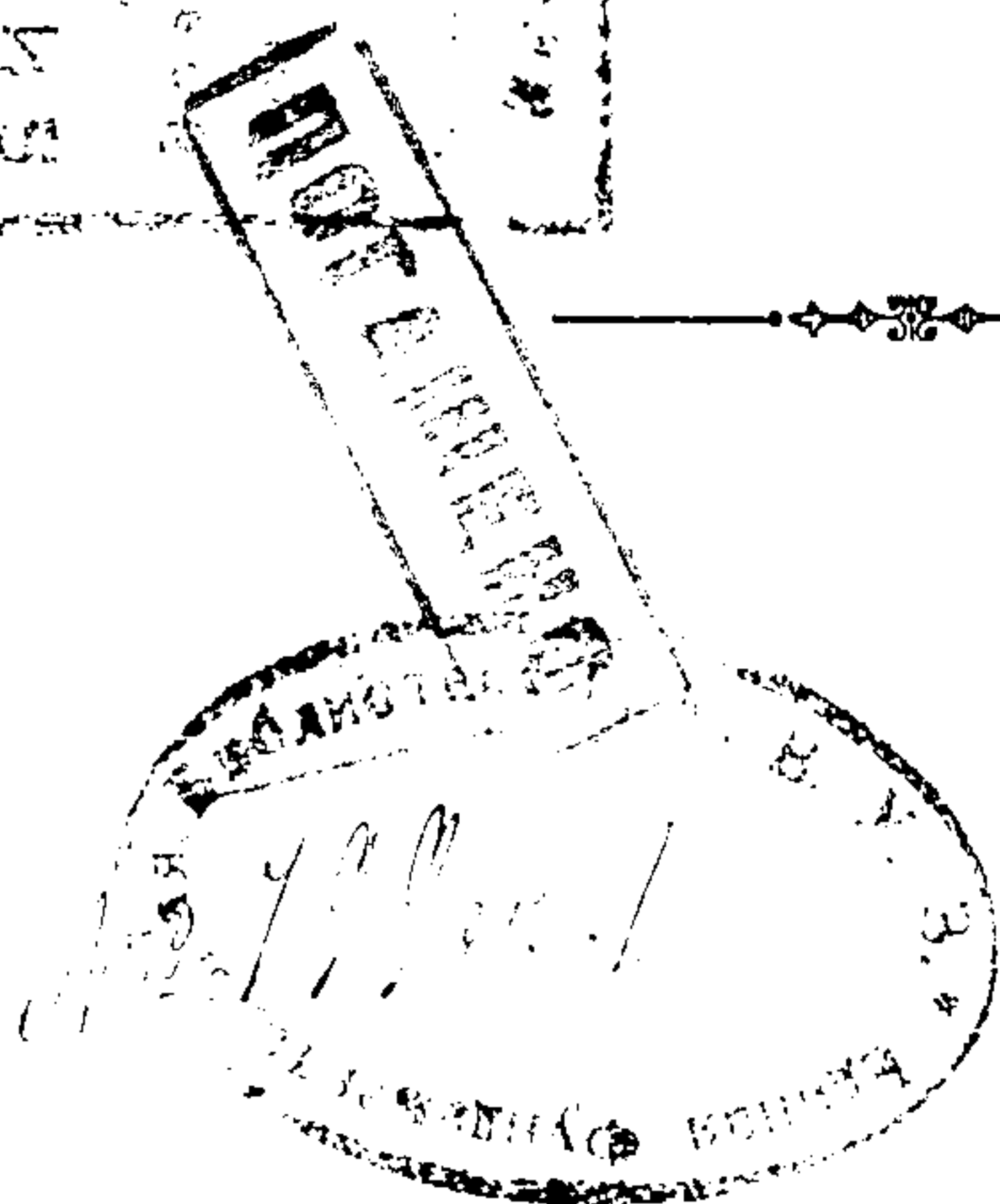
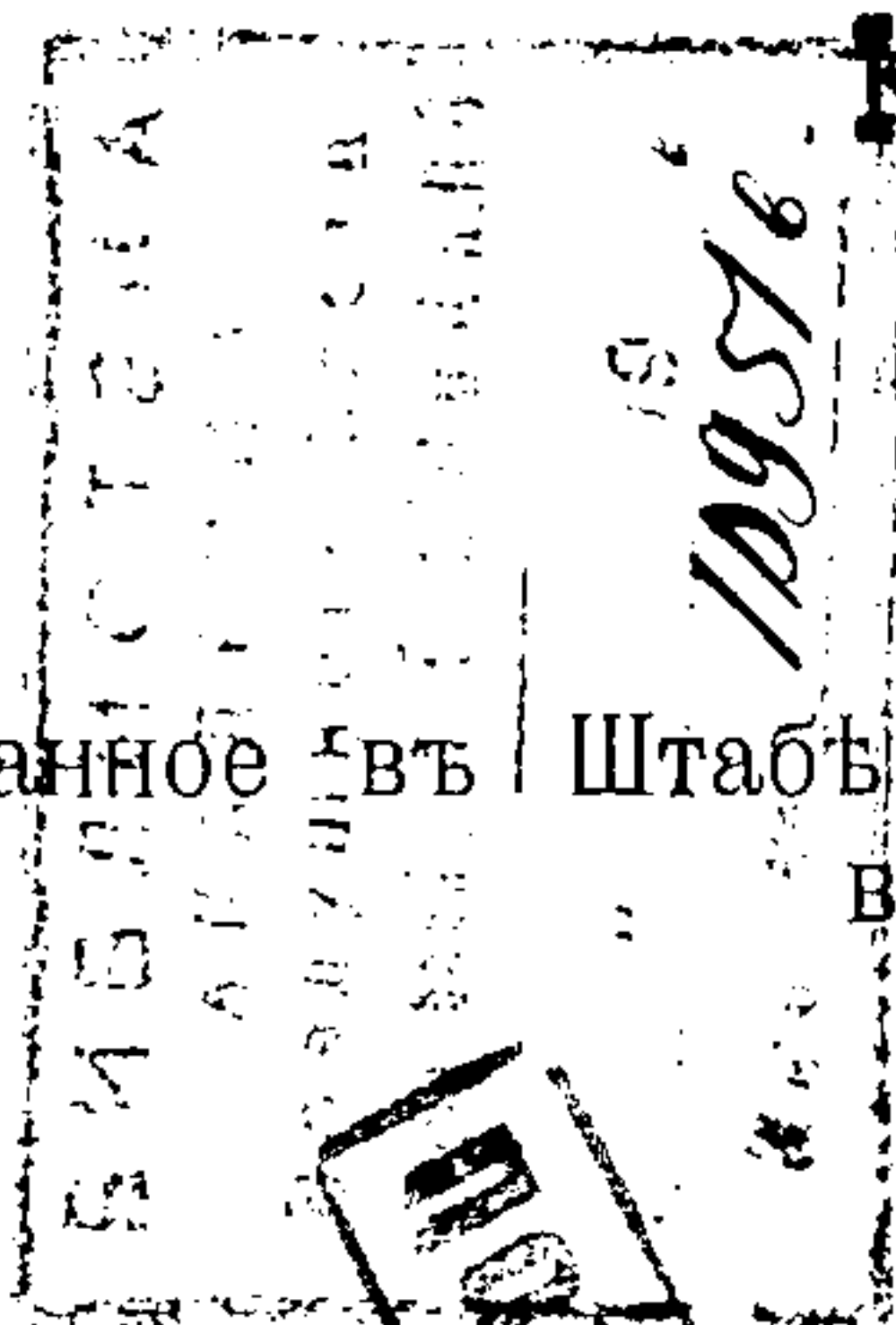

Сообщеніе экстраординарнаго профессора военнаго искусства

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА

Н. А. Орлова.

Читанное въ Штабѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго
военнаго округа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

1894.

СУВОРОВЪ.

*Гравировалъ Н. Уткинъ, съ портрета, писаннаго Шмитомъ,
живописцемъ Курфюста Саксонскаго.*

Штурмъ Праги Суворовымъ.

24-го Октября 1794 г.

ГЛАВА I.

Политическая обстановка передъ возстаніемъ въ Краковѣ.

Второй раздѣлъ Польши въ 1793 г. Черты государственнаго устройства Польши. Пропаганда заговора въ Польшѣ и Литвѣ. Біографія Косцюшки Сиверсъ и Игельстромъ. Дѣйствія Мадалинскаго. Возстаніе въ Краковѣ 13-го Марта 1794 г. Бой подъ Рацлавицами 24-го Марта. Отношеніе къ возстанію европейскихъ державъ.

Сто лѣтъ назадъ, 6-го (17-го) Апрѣля 1794 г., въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ, въ Варшавѣ произошла безпощадная рѣзня русскихъ поляками.

Событіе это подготовлялось давно. Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей по рѣшенію, принятому знаменитымъ Гродненскимъ сеймомъ. Пруссія получила Великопольскія воеводства (Познань, Гнѣзно, Калинь, Сѣраздь, Ленчицу, Ченстоховъ) съ городами Торунь и Гданьскъ; всего пространство въ 1016 кв. миль съ народонаселеніемъ около 1.500.000 душъ ¹⁾. Ударъ этотъ для Польши былъ чувствителенъ не только потому, что она теряла значительную часть территоріи, но государство отрѣзывалось

¹⁾ С. Соловьевъ «Исторія паденія Польши». Москва, 1863 г., стр. 300
Н. Н. Костомаровъ «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой», второе изданіе, С. Петербургъ, 1870 г., стр. 679. «Отечественныя Записки» 1863 г., Сентябрь, стр. 256.

Пруссіей отъ моря, ибо вмѣстѣ съ Гданьскомъ теряло выходъ изъ устья Вислы. Между Польшей и Россіею былъ заключенъ союзный договоръ, по которому обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались подавать одна другой помощь въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, причемъ главное начальство надъ войсками принадлежало той державѣ, которая выставитъ большее число войска (слѣдовательно, всегда бы оставалось за Россіей); Россія могла во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; безъ вѣдома Россіи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою; безъ согласія Императрицы Екатерины II Польша не могла ничего измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ; число Польскаго войска не должно превышать 15 т. и не должно быть менѣе 12 т. Россія пріобрѣтала Волынь, Подолію и Минскую область, всего около 4.000 кв. миль съ 3.000.000 жителей; пограничная черта была проведена отъ восточной границы Курляндіи мимо Пинска, Луцка къ границамъ австрійской Галиціи ¹⁾. Замышляя второй раздѣлъ Польши, Екатерина выразила свою основную мысль въ рескриптѣ руссійскому послу, аккредитованному при этомъ государствѣ, Сиверсу отъ 22-го Декабря 1792 г., гдѣ между прочимъ сказано: „... многія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ ²⁾“.

Императрицѣ было тяжело, что не всѣ русскія области войдутъ въ составъ Всероссійской Имперіи, останутся за чужими стольные города древнихъ русскихъ князей, но прозорливымъ своимъ окомъ Великая Монархиня про-

¹⁾ Соловьевъ, стр. 300. Костомаровъ, стр. 683. «Отечественныя Записки» 1863 г. Сентябрь, стр. 256.

²⁾ Соловьевъ, стр. 304.

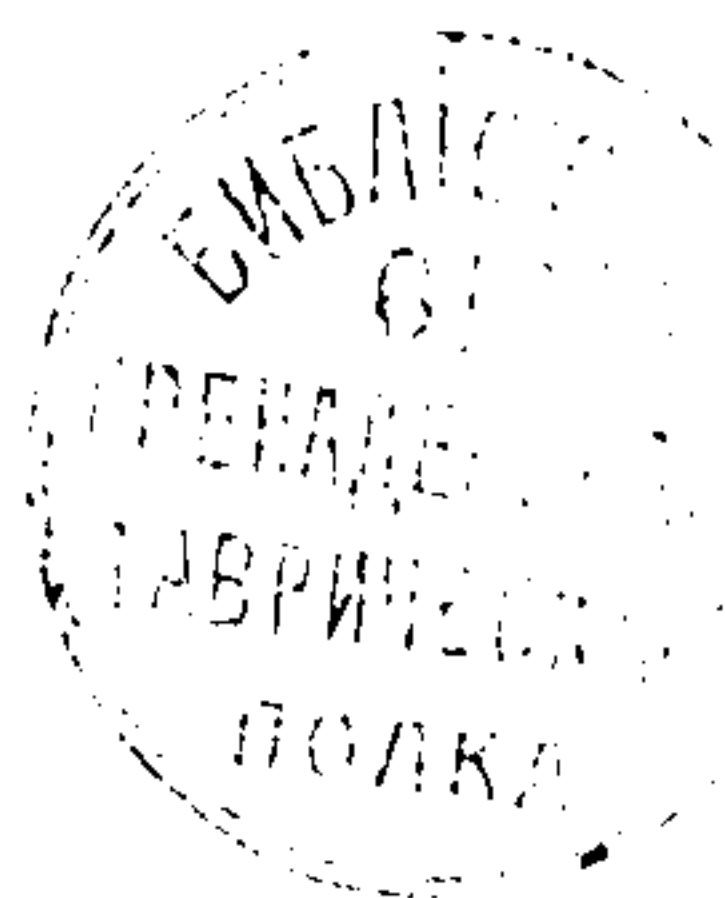
никала въ будущее и, по словамъ Храповицкаго, выражалась такъ: „Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ. Но со временемъ надобно вымѣнять у императора Галицію, она ему некстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія турецкаго“¹⁾.

Второй раздѣлъ нанесъ тяжкій ударъ самолюбію поляковъ²⁾, особенно же приверженцамъ конституціи 3 Мая 1791 г. Главнѣйшіе изъ нихъ (Малаховскій, Игнатій Потоцкій, Гугонъ Коллонтай, Нѣмцевичъ, Вейсенгофъ, Забѣлло) заблаговременно бѣжали въ Лейпцигъ и оттуда рѣшили мутить Польшу, составлять заговоры, довести дѣло до возстанія и мечтали возвратить жизнь и прежнія владѣнія своему гибнувшему отечеству съ его страннымъ государственнымъ устройствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ королевствѣ король Станиславъ - Августъ Понятовскій обладалъ лишь призракомъ власти и былъ игрушкой лицъ и событій; въ этой республикѣ (Ржечь посполитая) права народа были совершенно попораны шляхтою, которая называла его не иначе, какъ „быдло“ (скотъ); шляхта шумѣла на сеймикахъ, лизоблюдничала у богатыхъ и знатныхъ вельможъ, которые держали шляхту въ полной своей власти, но не имѣли силы прозести на сеймѣ какой либо законъ, вслѣдствіе обычной славянамъ розни и соперничества (извѣстно: „гдѣ два славянина, тамъ три мнѣнія“). Пагубное право *liberum veto* позволяло каждому члену сейма крикнуть въ рѣшительную минуту „не позволямъ“ и „сорвать“ сеймъ; въ продолженіи 30 послѣднихъ лѣтъ самостоятельнаго существованія Польши всѣ сеймы были сорваны³⁾. Польское государство съ неудержимою силою катилась по наклонной плоскости къ своей окончательной гибели, а „лейпцигскіе патріоты“

¹⁾ Записки Храповицкаго, стр. 286.

²⁾ По словамъ гр. Сегюра («Tableau de l'Europe» 11, 34), ни одинъ полякъ не могъ слышать имени русскаго, не покраснѣвъ отъ гнѣва и не поблѣднѣвъ отъ бѣшенства.

³⁾ Соловьевъ, стр. 11. Все это подтверждаютъ сами поляки. Напр. извѣстный польскій историкъ Іоachimъ Лелевель говоритъ: «Никакой власти въ государствѣ не су-

въ увлеченіи несбыточной мечтой ускорили течение событий и быстро привели къ агоніи дряхлый государственный организмъ. Польша и Литва пришли въ броженіе, когда въ разныхъ концахъ появились агенты заправиль революціи съ письмами Чарторыскаго, Огинскаго, Сапѣги и др., побуждавшими присоединиться къ заговору. Ловкіе агенты не стѣснялись никакими средствами для достиженія своей цѣли: краснорѣчіе, лесть, запугиваніе, вино, вліяніе на красивыхъ женщинъ, а черезъ нихъ на остальное общество и т. д. Такъ, въ Овручскомъ повѣтѣ дѣятельнымъ орудіемъ пропаганды явилась красивая пани Прушинская, молодая жена очень стараго мужа; агентъ одновременно и ухаживалъ за нею и бралъ у нея деньги въ видѣ пожертвованія на общую пользу, и заставлялъ вліять на другихъ Маіора Гонсяновскаго, для удобства возмутительной дѣятельности, посвятили въ ксендзы, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ ксендзовскомъ званіи и одѣяніи, а когда это оказалось болѣе не нужнымъ, снова надѣлъ армейскій мундиръ.

Наиболѣе вліятельными возмутителями въ Варшавѣ были: генераль Дзялынскій и ратманы магистрата банкиръ Копостасъ и богатый банмачникъ Янъ Килинскій¹⁾.

Главою возстанія былъ намѣченъ пламенный патріотъ, даровитый генераль Тадеушъ Косцюшко. Онъ былъ сынъ дворянина и родился въ 1758 г., слѣдовательно, ко времени возстанія ему шель 42-й годъ,—возрастъ, въ которомъ человекъ достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается достаточно уравновѣшеннымъ, чтобы избѣжать увлеченія крайностями. 12-ти лѣтъ Кос-

ществовало». А бывший король польскій Станиславъ Лещинскій выразился: «Польша единственная страна, гдѣ народная масса лишена всякихъ человѣческихъ правъ. Дворянинъ судить своихъ подданныхъ безъ всякаго на то законнаго права и основанія, безъ судопроизводства, въ всякихъ формахъ. На крестьянъ смотрятъ какъ на существа другого рода, отказывая имъ въ воздухѣ, которымъ они дышатъ. Между ними и рабочимъ скотомъ едва существуетъ разница.—Въ «*Neue Militärische Blätter*», Mai 1892, статья Nazmer «*Der polnische Feldzug im Jahre 1794*».

¹⁾ Костомаровъ, стр. 694—697.

цюшко поступилъ въ кадетскій корпусъ, директоромъ котораго состоялъ князь Адамъ Чарторыскій. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки и новыя языки (всякій кадетъ свободно владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ), обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Воспитанникамъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности, подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей: но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельной государственной жизни и нуждается въ нравственномъ пересозданіи. Косцюшко сдѣлался однимъ изъ прилежныхъ учениковъ. Разсказываютъ, что вставалъ онъ утромъ въ 3 часа, а чтобы не проспать, онъ привязывалъ къ себѣ шнурокъ и проводилъ его къ сторожу, который и долженъ былъ дергать въ назначенный часъ. Иногда примѣрный ученикъ не спалъ по нѣсколькимъ ночей и, чтобы поддержать умственную дѣятельность, обливался холодною водою. Вѣроятно юноша впиталъ въ себя ложныя идеи аристократическаго патріотизма учебнаго заведенія Чарторыскаго и остался бы съ ними навсегда, если бы не обстоятельства, поколебавшія его міровоззрѣніе. Отецъ Косцюшки былъ жестокъ съ крестьянами. Когда начались волненія на Украинѣ, крестьяне убили отца Косцюшки, который затѣмъ видѣлъ ужасную казнь хлоповъ, расплатившихся за смерть своего владѣльца. Даровитый молодой человѣкъ постигъ тогда, что упадокъ силъ Польши зависѣлъ преимущественно отъ того, что громада народа не имѣла ни гражданскихъ, ни даже человѣческихъ правъ; и прежде чѣмъ народу не будутъ отданы эти права, напрасными окажутся всякія усилія къ возрожденію націи.

По окончаніи курса Косцюшко отправился на казенный счетъ во Францію для окончанія образованія. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, изучилъ инженерное искусство, а вмѣстѣ съ тѣмъ познакомился съ иде-

ями о правахъ человѣка, равенствѣ и пр., которыя были въ ходу во Франціи въ годы, предшествовавшіе великой революціи. Вернувшись въ Польшу, Косцюшко, по обычаю всѣхъ небогатыхъ дворянъ, поселился у одного вельможи, пана Сосновскаго, литовскаго польнаго писаря. Сосновскій поручилъ Косцюшкѣ обученіе своихъ дочерей. Молодой учитель влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ, Людвигу, которая взаимно полюбила учителя. Богатый знатный отецъ отказалъ въ рукѣ дочери какому то шляхтичу. Косцюшко увидѣлъ, какая пропасть раздѣляетъ въ Польшѣ различные классы общества и какой ядъ разѣдаетъ государственный организмъ. Онъ понялъ, что при такихъ условіяхъ ему нечего дѣлать въ отечествѣ и уѣхалъ въ Америку, не рассчитывая возвратиться назадъ. Прибывъ въ Филадельфію, Косцюшко отправился прямо къ Франклину, который сначала принялъ его сухо, но, проэкзаменовавъ, нашелъ въ немъ основательныя знанія, прямоту и откровенность, а потому рекомендовалъ конгрессу, и Косцюшко вступилъ въ американскую службу прямо съ чиномъ полковника. Въ борьбѣ съ Англіею, вслѣдствіе которой Сѣверо-Американскіе Штаты отдѣлились отъ своей метрополіи, Косцюшко отличился особенно въ сраженіи подъ Саратогою въ 1778 г.; сформировавъ нѣсколько конныхъ полковъ, на подобіе польскихъ уланъ, онъ всегда былъ съ ними впереди; въ 1783 г. получилъ орденъ Цинцината. Надежда на возрожденіе Польши побудила Косцюшку возвратиться въ Европу. Война 1792 г., за которой послѣдовалъ 2-й раздѣлъ Польши, доставила ему случай выказать свои способности, и дѣйствительно, онъ былъ единственный даровитый военачальникъ; скоро онъ былъ произведенъ въ генералы и пріобрѣлъ широкую популярность. Когда самъ король приступилъ къ дѣйствіямъ за одно съ русскими (къ торговицкой конфедераціи), Косцюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ, а потомъ поѣхалъ во Львовъ, гдѣ, какъ всѣ говорили, нани Коссаковская подарила ему имѣніе

I. U. NIEMCEWICZOWI POSWIECA ZIOMEK A. O.

КОСЦЮШКО.

Съ гравированнаго портрета Олещинскаго.

съ 20 т. флориновъ дохода, но онъ отказался отъ подарка, хотя былъ бѣденъ: при выходѣ въ отставку у него было только 1.000 червонныхъ, да потомъ двѣ дамы дали ему еще такую же сумму. Публика тогда, въ своихъ сплетняхъ, женила Косцюшку разомъ на пяти женщинахъ, но онъ вовсе не женился. На возвратномъ пути изъ Львова Косцюшко встрѣтилъ въ Замостьѣ австрійскаго офицера, который передалъ ему приказаніе своего правительства—оставить австрійскія владѣнія; въ то же время получается анонимное письмо изъ Варшавы съ предостереженіемъ, чтобы не возвращался въ Польшу, гдѣ русскія войска имѣютъ въ виду схватить его. Косцюшко уѣхалъ въ Лейпцигъ, гнѣздо польскихъ эмигрантовъ, и тамъ страстно предался революціонной дѣятельности. Надобно сказать, что Косцюшко по своимъ воззрѣніямъ стоялъ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ поляковъ. Постоянно онъ говорилъ: „вся надежда на народъ“, но эти слова были китайской грамотой для всей Польши. Вельможи и шляхта ни какъ не могли усвоить себѣ понятія о правоспособности народа хотя они постоянно твердили о свободѣ, но признавали ее только для себя и притомъ въ правѣ издавать законы, безнаказанно ихъ нарушать и не платить опредѣленныхъ закономъ налоговъ,—платить должны мѣщане и хлопы. Народъ (болышею частью православный, русскій), если и понималъ возстаніе, то не иначе, какъ противъ своихъ владѣльцевъ,—ближайшихъ и злѣйшихъ враговъ. Такимъ образомъ, никто не могъ сойтись въ мысляхъ съ Косцюшкой, его мечты объ оздоровленіи корней въ Польшѣ оказывались химерой. Онъ принялся за дѣло безъ большой надежды на успѣхъ и каждую минуту ожидалъ, что все рухнетъ. Однако это чувство, по самому складу предводителя, спокойному и серьезному, съ замѣчательной силой воли, не имѣло никакого вліянія на его дѣятельность ¹⁾.

¹⁾ Костомаровъ, стр. 691—694. Соловьевъ, стр. 318—320. «Отечественныя Записки», 1863 г., Декабрь, стр. 458. «Военный Сборникъ» 1861 г., Декабрь, стр.

Во время войны 1794 г. Косцюшко велъ операціи съ большимъ пониманіемъ обстановки и, несмотря на братаніе съ народомъ, держалъ себя съ достоинствомъ; весьма часто ѣздилъ одинъ, безъ всякаго конвоя; въ Варшавѣ бывалъ рѣдко и преимущественно инкогнито; мыслей своихъ никому не открывалъ, но авторитетъ его признавался настолько, что всѣ слѣпо слѣдовали его приказаніямъ ¹⁾.

Волненія въ Польшѣ достигли своего крайняго напряженія; образовалось болѣе 700 кружковъ съ 20.000 членовъ, готовыхъ возстать по первому знаку; горячія головы хотѣли начать немедленно; Косцюшко сдерживалъ порывы и требовалъ раньше достаточной подготовки средствъ и организаціи возстанія. Случай произвелъ взрывъ раньше, нежели онъ того желалъ.

Въ обезпеченіе постановленій Гродненскаго сейма главнѣйшіе пункты Польши и Литвы занимали русскія войска, подъ общимъ начальствомъ генераль-аншефа барона Игельстрома. Онъ же съ званіемъ полномочнаго министра замѣнилъ нашего посла Сиверса ²⁾, который такъ много вліялъ на ходъ событій при второмъ раздѣлѣ Польши и, въ сущности, былъ въ ней фактическимъ распорядителемъ.

Если Сиверсъ былъ человѣкъ какъ будто созданный для управленія поляками, то Игельстромъ составлялъ съ нимъ разительную противоположность. Сиверсъ, любезный въ обращеніи, строгій и рѣшительный въ дѣлѣ, заставлялъ ихъ и бояться себя, и уважать, и даже любить. Когда его отозвали, то многіе поляки приходили къ нему прощаться съ истиннымъ чувствомъ. Сиверсъ гнулъ ихъ, давилъ, но чрезвычайно любезно. Игельстромъ,

327, статьи «Военное дѣло въ Литвѣ». См. также нашу статью въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ», 1889 г. т. IV, стр. 379.

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 196, связка 8, показаніе Ивана Гузы и показаніе жѣнцаина Кусевича. Также «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генераль-губернаторства» Андрея Дигеля, стр. 161.

²⁾ Костомаровъ, стр. 690.

храбрый воинъ, но мало образованный и мало провицательный администраторъ, отличался грубостью и не щадилъ щекотливаго самолюбія поляковъ; съ министрами и съ самимъ королемъ обращался свысока, приказывалъ и предписывалъ тамъ, гдѣ выгодно было вѣжливо просить; и вмѣстѣ съ тѣмъ выдержки, энергіи, осторожности и настойчивости у него не было. Его мало уважали, мало любили и мало боялись. Утоная въ роскошныхъ объятіяхъ графини Залуской, онъ подчинился ея вліянію; а на нее вліяли другіе; вовсе не имѣя въ виду какой либо преступной цѣли, графиня часто подвигала русскаго генерала на мѣры крайне ошибочныя и опасныя, а иногда убѣждала отмѣнять рѣшенія невыгодныя для поляковъ ¹⁾. Такъ Игельстромъ съ поразительной безпечностью смотрѣлъ на явные признаки подготовлявшагося бунта. Возстаніе 1794 г. застигло русскихъ совершенно врасплохъ. Всего въ Польшѣ и Литвѣ русскихъ войскъ было 17—18 т., т. е. вполне достаточно для подавленія мятежа, но при условіи рѣшительныхъ дѣйствій съ самаго начала ²⁾. Между тѣмъ именно въ началѣ власти не придали значенія бунту и дѣйствовали безъ системы.

По рѣшенію Гродненскаго сейма излишнія противъ опредѣленнаго штата польскіе войска (сверхъ 12—15 т.) должныствовали быть распущенными по домамъ (редукція) или поступить на русскую службу къ 15-му Марта 1794 г.; но рѣшеніе это приводилось въ исполненіе съ крайнимъ неудовольствіемъ. Такъ напр., полкъ Дзялын-

¹⁾ Костомаровъ, стр. 701—702.

²⁾ Д. О. Масловскій «Записки по Исторіи военнаго искусства въ Россіи», выпускъ II, С.-Петербургъ, 1894 г., стр. 441.—Собственно говоря, по штатамъ и по спискамъ войскъ было гораздо больше, но въ дѣйствительности ихъ было на лицо мало. Такъ въ письмѣ къ Румянцову отъ 17-го Юля 1794 г. несправлявшій должность президента военной коллегіи генералъ-аншефъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ прямо пишетъ, что «число войскъ у насъ вездѣ велико на бумагѣ, а въ существѣ едва на половину есть, да и оное требуетъ большаго о немъ попеченія». Московскій Архивъ Главнаго

Штаба, опись 200 № ¹⁴⁸ 23, листъ 102.

скаго въ Варшавѣ отпустилъ только 16 чел., объявивъ Игельстрому, что это и есть весь излишекъ противъ штата ¹⁾. Конная бригада Мадалинскаго (2—3 т.), расквартированная между Вугомъ и Наревомъ, собравши свои эскадроны къ Остроленкѣ, объявила что не хочетъ подчиниться редукціи, о чемъ Мадалинскій и подалъ рапортъ въ военную комиссію. Игельстромъ двинулъ противъ него часть русскихъ войскъ, подъ начальствомъ ген-маіора Багрѣва. Тогда Мадалинскій рѣшился на отчаянное предпріятіе: вдоль прусскихъ границъ пробраться въ Галицію и тамъ со всею бригадою поступить въ австрійскую службу. Перейдя Наревъ у Остроленки, Мадалинскій перешелъ затѣмъ прусскую границу, захватилъ городъ Солдау, ограбилъ прусскую военную казну, переправился черезъ Вислу у Вышеграда и направился далѣе къ Кракову. Русскіе не могли догнать Мадалинскаго или перерѣзать путь его слѣдованія, а между тѣмъ по дорогѣ черезъ Сандомирское воеводство взбунтовавшаяся бригада возмutilа остальные польскія войска, присоединившіяся къ Мадалинскому. Все это послужило началомъ возстанія ²⁾.

Узнавъ объ этомъ въ Дрезденѣ, Косцюшко разсердился сначала на подобную поспѣшность, но дѣлать было нечего,—онъ выѣхалъ въ Краковъ, гдѣ стояла польская бригада Мангата и русскій гарнизонъ подполковника Лыкошина изъ 2 баталіоновъ, эскадрона и двухъ сотенъ казаковъ.

Городъ заволновался, услыша, что ѣдетъ Косцюшко. Лыкошинъ съ отрядомъ вышелъ изъ Кракова. По прибытіи сюда Косцюшко былъ провозглашенъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа, отправился съ патріотами въ ближайшій костель капуциновъ, и тамъ монахи освящали ихъ сабли. 13-го (24-го) Марта составленъ

¹⁾ «Отечественныя Записки» 1863 г., Декабрь, стр. 443. Польскихъ войскъ должно было остаться не болѣе 9 т., а литовскихъ 6 т. — Соловьевъ, стр. 324—325.

²⁾ Костомаровъ, стр. 703. Соловьевъ, стр. 325. Масловскій, стр. 441.

актъ повстанья. Косцюшко призвалъ народъ къ пожертвованіямъ и подъ знамена, началась организація войска. Капостасъ купилъ на свой счетъ 5 т. косъ для вооруженія крестьянъ.

Станиславъ-Августъ издалъ универсалъ противъ Косцюшки; многимъ казалось, что документъ этотъ составленъ по вынужденію и въ немъ есть нѣкоторое сочувствіе дѣлу революціи,—порицалась какъ бы только несвоевременность начинанія, а не самая суть дѣла. Универсалъ не произвелъ никакого впечатлѣнія ¹⁾.

Между тѣмъ и Мадалинскій приближался къ Кракову. Преслѣдовавшій поляковъ генераль-маіоръ Денисовъ остановился съ главными силами отряда у Скальбержа, а небольшой авангардъ генераль-маіора Торماسова (2½ баталіона, 6 эскадроновъ и полкъ казаковъ) неосторожно и далеко выдвинулъ впередъ къ д. Рацлавице. Тогда Косцюшко взялъ съ собою бригады Мангата и Ватевскаго, народовую конницу Заіончека и 16 пушекъ (кромѣ того отряды шляхты изъ трехъ воеводствъ, до 2 т. мужиковъ, вооруженныхъ пиками и косами), соединился съ Мадалинскимъ и, пользуясь превосходствомъ силъ, разбилъ на голову Тормасова подъ Рацлавицами 24-го Марта (4-го Апрѣля). Денисовъ поспѣшилъ на помощь къ Тормасову, но было уже поздно: Косцюшко благоразумно отошелъ въ укрѣпленный лагерь близъ Кракова.

Битва подъ Рацлавицами имѣла огромное нравственное значеніе: первые успѣхи вообще всегда очень важны, а въ особенности при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Косцюшко. Онъ чрезвычайно радовался, что рѣшительный ударъ въ бою нанесли русскимъ хлопамъ; двухъ изъ нихъ за храбрость онъ произвелъ въ офицеры. Желая пріобрѣсти сочувствіе народа и привлечь его на сторону возстанія, главнокомандующій самъ надѣлъ сермягу косиньера ²⁾.

¹⁾ Костомаровъ, стр. 702—708. Соловьевъ, стр. 325—326.

²⁾ Костомаровъ, стр. 708—710. «Отеч. Записки» 1863 г., Декабрь, стр. 448.